

Повседневность учащейся молодёжи Ханты-Мансийска 40-х–50-х гг. XX в.

М. Ф. Ершов

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
mfershov@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В публикации, на основе воспоминаний, рассмотрены сведения о молодёжи, получающей профессиональное образование в Ханты-Мансийске 40-х–50-х гг. XX в. Актуальность исследования связана и с академическими проблемами изучения периферийных земель, и с прагматическими вопросами подготовки отечественных специалистов.

Цель: репрезентация окружающей повседневности, как активного начала, воздействующего на подрастающее поколение в военное и послевоенное время.

Материалы исследования: опубликованные воспоминания, а также краеведческие разыскания, запечатлевшие реалии Ханты-Мансийска.

Результаты и научная новизна. Автором раскрывается многогранное воздействие на учащихся со стороны повседневности и официальных практик. Данный противоречивый симбиоз архаики и модерна влиял на их поступки. Подспудные страхи вытесняли возможные сомнения, а затем и замещали их насаждаемыми официальными мифологемами и реальными свидетельствами о произошедших свершениях.

Научная новизна исследования состоит в акцентировании внимания на активной роли повседневности, которая дополняла усилия государства. В этих проявлениях повседневность, окружающее пространство и материальный мир оказались важными компонентами в воспроизводстве «советского человека» на периферийных территориях, том числе и в сфере просвещения на Тюменском Севере. Они также сыграли роль демпферных механизмов для ослабления факторов насилия. Исследования этой проблемы способны привнести новые коррективы в осознание регионального прошлого Югры.

Ключевые слова: аборигены, адаптация, аккультурация, досуг, контакты, мемуары, повседневность, социально-психологический климат, спецпоселенцы, учащаяся молодёжь, Ханты-Мансийск

Для цитирования: Ершов М. Ф. Повседневность учащейся молодёжи Ханты-Мансийска 40-х–50-х гг. XX в. // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 3 (54). С. 580–588.

Everyday life of Khanty-Mansiysk town students of the 40s – 50s of the XX century

M. F. Ershov

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
mfershov@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the publication, based on memories, considers information about young people receiving professional education in Khanty-Mansiysk in the 40s – 50s of the XX century. The relevance of the study is connected both with the academic problems of study of peripheral lands and with pragmatic issues of training domestic specialists.

Objective: to represent the surrounding everyday life as an active principle that influences the younger generation in war and post-war times.

Research materials: published memoirs, as well as local lore research captured the realities of Khanty-Mansiysk town.

Results and novelty of the research: the author reveals the multifaceted influence on students by everyday life and official practices. This contradictory symbiosis of archaic and modern influenced their actions. Latent fears displaced possible doubts and then replaced them with official mythologems and real evidence of what had happened.

The scientific novelty of the study consists in focusing on the active role of everyday life, which complemented the efforts of the state. In these manifestations everyday life, the surrounding space and the material world turned out to be important components in the reproduction of a “Soviet man” in peripheral territories, including in the field of education in the Tyumen North. They also played the role of damping mechanisms to weaken the factors of violence. Studies of this problem can bring new adjustments to the awareness of the regional past of Yugra.

Key words: native peoples, adaptation, acculturation, leisure, contacts, memoirs, everyday life, socio-psychological climate, special settlers, young students, Khanty-Mansiysk

For citation: Ershov M. F. Everyday life of Khanty-Mansiysk town students of the 40s – 50s of the XX century // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2023; 13 (3/54): 580–588.

Введение

Настоящее исследование нацелено на репрезентацию повседневности, как активного начала, воздействующего на подрастающее поколение в военное и послевоенное время. Репрезентация реализуется через историческую критику и анализ воспоминаний. Этот процесс предполагает разрешение следующих задач:

- изучение влияния социокультурного и политического контекста на жизнь мигрантов в Ханты-Мансийске;
- анализ межличностных контактов в учебной среде;
- рассмотрение досуга и быта учащихся как вариантов адаптации.

Объект исследования – молодёжь, получающая среднее профессиональное образование в окружном поселении. Предмет исследования – повседневность местной учащейся молодёжи.

Историография данной темы на сегодняшний день пока ещё не отличается обширностью и избегает обобщений. В ней присутствует недостаток внимания к социокультурному и психологическому контекстам, что вызвано ориентацией на традиционное исследование социально-экономических проблем. Переход от рассмотрения обезличенных фактов к анализу многогранной повседневности Ханты-Мансийска осуществлен не вполне.

Часть исследователей интересуют феномены повседневности и социально-психологические мотивы поведения советского человека и ценностей учащейся молодёжи. Среди них выделяются обобщающие работы А. Ю. Рожкова [18], О. Л. Лейбовича [15], А. Голубева [6], А. Чашухина [19], В. Шляпентоха [27; 28], В. Данхэм (Сандомирской) [23], Anthony Potts [26], Jan Jie-Sheng, Lomeli Arlett [24], Eric Naiman [25]. К значимым региональным работам относятся публикации А. Г. Киселёва, С. В. Оиной [12; 13; 14], Д. В. Кирилюка [11], Е. Г. Чумак [21], А. В. Шитова [22]. Специфика Российской Федерации с её природно-географическим, экономическим и культурным разнообразием делает данные работы особенно значимыми.

Материалы и методы

Исследование базируется на использовании воспоминаний (как ответов на вопросы) и письменных мемуаров Н. А. Александрова [1], М. П. Вахрушевой [3], П. А. Вишнякова [4], А. М. Коньковой [7]; девушек, получавших знания в национальных педагогическом и медицинском

училищах [10; 16; 17]. Кроме них использованы мемуары Н. С. Чувашева. Он обучался в близком Ирбитском педагогическом училище [20].

Современными учёными пока не вполне определено, как повседневность формировала мотивацию обучающихся, как и их соответствие идеологическим требованиям. Разрешение данных вопросов осуществляется, по преимуществу на междисциплинарном поле. Исследование основано на новейших методах, которые обобщенно называются «антропологический поворотом». Последний характеризуется вниманием к частностям жизни конкретных страт локального социума. Гуманитарные дисциплины дают теоретический инструментарий для анализа материалов о специфике повседневности, что и было использовано в данной публикации [9]. Кроме того, к числу использованных в данной работе также относятся историко-генетический и сравнительно-исторический методы.

Результаты

Прежде чем рассматривать сферу повседневности обучающейся молодёжи Ханты-Мансийска середины XX в., необходимо получить общее представление о данном населённом пункте. Окружную столицу отличали противоречивые качества. Посёлок (он позднее стал городом) с одной стороны являлся центром культуры нового индустриального типа. В нём имелись клубы, ресторан, школы, училища, учреждения, аэропорт, речпорт, рыбозавод. Но, с другой стороны, у поселения сохранялось множество архаических черт: деревенская внешность с огородами и деревянной застройкой, население (спецпоселенцы и старожилы), с образом жизни, близким к традиционному хозяйству.

Прибывшую в 1944 г. из Саратова агротехника А. В. Корепанову поразили бедность и малолюдность селения. Она немедленно отбила телеграмму домой: «Папа, приехала в страну дикарей, разреши вернуться обратно» [16, 164]. И действительно, только несколько повседневных черт здесь были постоянными: бедность многих жителей Ханты-Мансийска и его чрезвычайно неоднородный состав.

Бедность была связана с неполноправным статусом сосланных и тяготами военного и послевоенного времени; состав населения был в значительной мере определён функциями Ханты-Мансийска. Он, одновременно, был окружным центром и центром образования, транспортным узлом, местом ссылки, а также, по факту, площадкой

для межэтнических и межкультурных контактов. Здесь, в многонациональном городе встречались аборигены и русское старожильческое население, бывшие фронтовики и обитатели детских домов; освобождённые из мест заключения и номенклатурные работники.

Вне сомнения, наличие множества страт и функций у поселения должно было воздействовать на учащихся и особенно на тех из них, что не приобрели опыт соседского проживания с различными контингентами. Жилая застройка и официальные учреждения выступили для них территорией перевоплощений. Здесь многое манило не всегда оправданными надеждами. Ханты-Мансийск для человека из патриархальной среды был пограничной зоной, своеобразными воротами в иной мир. Они, эти «ворота» были загадочны и порождали желание неведомого, надежду, дискомфорт, страхи. Такие психические процессы имели длительную историю с дореволюционного периода, особенно у аборигенного населения [8, 107–108]. Часть исследователей полагает, что в любом обществе ощущение страха доминирует над моральными ценностями [27; 28].

Советская власть не была исключением и в полном объёме использовала и надежду, и страх при насильственной трансформации отношений мигрантов. Ею были радикально усилены дисциплинирующие и репрессивные практики. Скрытый страх за себя и своих близких присутствовал у учащейся молодёжи и обуславливал специфику социально-психологического климата. Причины его существования были вполне реальны. Выпускник педучилища П. А. Вишняков упоминает своего однокурсника. Его «посадили» за разговоры весной 1941 г. Сам П. А. Вишняков хорошо знал, что язык нужно держать за зубами [4, 43, 73]. В принципе, опасен был и открытый страх, как презумпция виновности конкретного индивида.

Одновременно окружной центр был генератором или медиатором надежд и новаций. Игнорировать их не следовало. И положительные, и отрицательные изменения были обязательными для исполнения и особенно теми, кто получал профессиональное образование. Общедоступности знаний тогда ещё не было. Имелось много экономических, культурных и идеологических преград для их получения. В воспоминаниях бывших ссыльнопоселенцев «болевые» моменты о нереализованных возможностях для получения профессии имеются и сегодня.

Н. С. Чувашев со своими одноклассниками на экзамены в педучилище шёл пешком 40 километров. Им описана бедность абитуриентов: не у каждого была обувь [20, 59–60]. Учащиеся из отдалённых национальных посёлков иногда не могли добраться до родного дома в летние каникулы. Им не хватало денег. Кое-кто, видимо по этой же причине, не возвращался в училище [17, 258–260]. При этом профессиональное обучение не просто давало возможности для получения одежды, обуви, питания и места в общежитии. Оно предлагало надежду и было стартом в новую жизнь. Само пребывание в новом материальном окружении подспудно меняло социализирующуюся личность.

Столица округа, в перспективе, многим надеяла учащихся: новые знания, повышение социального статуса, рост материального благополучия, «чистая» работа. В этом окружном центре аборигены, наряду со ссыльнопоселенцами и старожильческим русским населением, и индустриальная культура находились в противоречивом симбиозе. Например, в 40-е гг. в жилой зоне Самарово и Ханты-Мансийска не закрывали на замок входные двери. В воспоминаниях А. М. Романчука утверждается: если дом закрывался на замок, то его хозяин вызывал подозрение [16, 164, 291].

Наоборот, в воспоминаниях Н. А. Александрова присутствуют негативные реалии Ханты-Мансийска. Его, подростка, эвакуировали из Ленинграда вместе с детским домом. Он ярко описал военную и послевоенную жизнь в окружном центре и ближайших местностях. Особенность его воспоминаний заключается в возможной гиперболизации событий. Очевидно, что юношеский максимализм Александрова сказался в представлении событий в выгодном для себя свете. Он, на страницах мемуаров, умеет находить взаимоотношения со взрослым миром: от «особиста», до криминальных лиц. Его «Невыдуманные рассказы» приоткрывают ту повседневность, о которой респонденты из учащихся обычно умалчивают [1].

Подростковая дружба или вражда, эротические отношения с прекрасным полом, конфликты, блатная романтика, азартные игры, спорт, досуг – все эти частности делают мемуары ценным историко-этнографическим источником. Их отличительная особенность – признание социальной дифференциации, как во взрослом мире, так и в молодёжной среде. Александровым описаны бытовые и имущественные различия,

вплоть до питания и одежды. Отношения людей во многом лишены идиллии. Дети «порядочных родителей» могут поиздеваться над бедной школьницей [1, 66–67]. Факты жёсткого (и жестокого) разделения в среде детей и подростков по имущественному признаку приводятся и в иных воспоминаниях [16, 376; 15, 370].

У Э. М. Сивковой (Рогоулиной) и в некоторых иных источниках, напротив, отмечается отсутствие отчуждения между социальными группами. При этом зафиксировано, что слово «спецпереселенец» не употреблялось. Его заменяли иносказательным: «Перековка» (посёлок спецпоселенцев в Остяко-Вогульске) [17, 320]. Такое противоречие – свидетельство бытовой, языковой и отчасти культурной изоляции обучающихся в профессиональных учебных заведениях. Табуированность языка соседствовала у учащихся с выборочным восприятием реалий и закрытых (или полузакрытых) сведений.

Такая изоляция дополнялась и недостатком возможностей для осознания негатива, который находился на периферии существования и идеологии. Не все обладали кругозором и критическим сознанием, что были у ленинградца Н. А. Александрова. Человек попадая в новый мир, не столько сопротивлялся, сколько адаптировался. Удавалось это не всем: в воспоминаниях упоминаются случаи отчислений из училищ за противоправные проступки. Специфичная социализация, в условиях непривычного, а часто и иноэтничного социума, была формализована материальным окружением, официальными языковыми клише и жесткими дисциплинарными практиками.

В окружном центре начался профессиональный путь М. П. Вахрушевой (Баландиной), которая впоследствии стала первой женщиной-манси с учёной степенью. В её послевоенных воспоминаниях много патетических моментов об учёбе в 30-е гг. Картины идеализированных Остяко-Вогульска и педучилища противопоставлены дореволюционной жизни угнетённого населения [3, 41–42]. Мансийская сказительница А. М. Конькова вспоминала о сожалении сельской учительницы: «Вот я так жалею, что ты тут и останешься, и в колхозницу совсем [превратишься]» [7, 6]. Слова учительницы не пропали даром: девушка перебралась в Ханты-Мансийск, где и окончила педагогическое училище. В воспоминаниях Е. А. Нёмысовой упомянут почти недостижимый Ленинград, побывать в котором учащиеся «мечтали ещё с начальных классов» [17, 262].

Тяга к образованию дополнялась значимостью официальных требований и норм, родственными и земляческими связями. Н. С. Чувашев сосредоточивает внимание на работе в каникулы, как члена колхоза, или отмечает уважительные причины, когда он не смог полноценно трудиться [20, 64–67]. Однако учёба и многое «отбирала». Требовалось отказаться от ценностей, ранее привычных, по умолчанию и без критического осознания принять официальные идеологемы, смириться с фактами репрессий. Социализация и становление профессионала осложнялись, в итоге, внешними условиями и вариантами аккультурации. Молодёжи были нужны психические демпферные механизмы, облегчавшие её существование и усвоение новаций. Как они «работали» в окружном центре будет показано ниже.

А. Г. Киселёв зафиксировал в интервью с информантом (М. К. Волдина) восприятие Ханты-Мансийска девочками из аборигенного села в 1951 г. Они, будущие учащиеся педагогического училища, прибыв по Иртышу на пристань, удивились большому количеству (по их мнению) идущих мимо людей. Одна из девочек предложила подругам переждать, пока все пройдут, но ожидание было напрасным [17, 141–142]. Для новоприбывших учёба (училище) и проживание (общежитие) при адаптации становились не только новой повседневностью, но материальными островками безопасности и временной изоляции.

Межличностные отношения, особенно с педагогами, оказывались в числе приоритетов. Разумеется, педагоги были людьми системы. Они в обязательном порядке транслировали официальные доктрины и контролировали их усвоение. Но, с другой стороны, полноценное выполнение педагогических обязанностей без доверия юных подопечных было невозможно. Отчасти учителя заменяли учащимся их отдалённых родителей. Хорошую память оставил Г. Т. Величко, директор педагогического училища в 1944–1967 гг. Новоприбывших, по его указаниям, опекали учащиеся старших курсов [17, 143].

Пришелец в чуждом ему городе пытался, одновременно, стать «своим» и вырваться из массива непривычной социальности, как-либо обособиться. Сухие теоретические положения и ещё чуждые реалии порождали чувство острого дискомфорта, фрустрации. Они противостояли привычной близости с семьёй и природой. Внеаудиторная нагрузка отчасти возмещала чувство

утраты. Работы на селе, каникулы или практические занятия превращались для учащихся в действительную эмоциональную разрядку. На некоторое время они возвращали конкретику физического труда и содействовали сближению членов коллектива.

А. С. Экономова (Тарабукина) в воспоминаниях отмечает, что обучение в фельдшерско-акушерской школе стартовало в 1943 г. с уборочной в посёлке Ягодный. Но в колхозе кормили плохо, подростки продавали вещи в обмен на еду и даже попытались сбежать. Кроме этого, учащиеся в зимние каникулы заготавливали дрова для школы, регулярно работали на посевной и уборочной, занимались озеленением посёлка [16, 379]. У школы было подсобное хозяйство [13, 131]. Периодические работы как выходы из повседневности парадоксально сплывали коллективы. Учащиеся на время как бы возвращались в прежнюю привычную среду, где господствовал тяжкий труд, а нередко нищета и голод.

Вишняков описывает сельскохозяйственные работы в сентябре 1941 г. На заготовку сена для лошадей педучилища направили пятерых старшекурсников. Затем остальных учащихся повезли в Сургутский район на копку картофеля и сенозаготовки [4, 61–62]. Т. В. Диодорова детализирует нормы выработки для учащихся педучилища в военное время. До отъезда на каникулы было нужно заготовить 15 кубометров дров: «Пилили дрова в тайге на самаровской горе. Уставали по-страшному. Думаешь, поужинаешь и спать, но молодость своё брала. Поедим и быстренько соберемся на танцы в самаровский клуб. На летние каникулы уезжали тоже не без задания: надо было добыть по три центнера рыбы и сдать в фонд обороны (безвозмездно), да ещё заработать 60 трудодней на разных колхозных работах, а к началу учебного года следовало привезти в училище справку о том, что выполнил всё» [10, 79].

Невозможно не согласиться с позицией А. Г. Киселёва, что труд в учебных заведениях был тяжёлым испытанием для молодёжи только во время войны и в самые первые послевоенные годы, когда физические нагрузки сочетались с недоеданием. Он также обоснованно отмечает, со ссылками на источники, что посадки деревьев, как полезное дело, вызывали положительные эмоции, а у детей, воспитанных в традиционной среде, они были дополнительно связаны и с наивным анимизмом [13, 133]. Эту осуждаемую религиозность старались не замечать. Характерна

ремарка М. К. Вагатовой (Волдиной) о времени её учёбы в педагогическом училище: «Мы и деревца угощали, и птиц угощали, в общем, вывешивали цветные, значит, ленточки, что дарим, что мы не забыли тебя. Знали, что каждое дерево имеет дух, это, в общем, сами от себя не скрывали, но и не выдавали себя... что вот это делаем. Что дома делали – всё соблюдаем» [17, 183]. По-видимому, религиозные ритуалы у молодёжи были представлены достаточно широко [2].

На стыке дополнительной нагрузки и организации досуга у учащихся были идеологические и культурно-массовые мероприятия. Им придавалось особое значение – при низком образовательном уровне большинства местных жителей образованная молодёжь, с теоретическим педагогическим багажом, для власти была ценным интеллектуальным ресурсом. При этом учащиеся приобретали навыки организации всевозможных встреч, собраний, акций, спортивных и концертных программ, установления контактов с разновозрастной аудиторией. Кроме того, у молодёжи повышалась личностная самооценка; фактически ещё и осуществлялась проверка лояльности к официальным доктринам.

Некоторые из учащихся привлекались к достаточно ответственным работам. Например, летом 1942 г. П. А. Вишняков, по решению окружкома комсомола, был временно снят с воинского учёта. Его направили на культплодку методистом. На период летней навигации коллективы культплодок занимались досуговым обслуживанием прибрежного населения и пропагандистской работой [4, 75–85]. Примечательно социальное происхождение Вишнякова: он был из спецпоселенцев. Э. М. Сивкова (Роголина) обучалась в медицинском училище в 1956–1959 гг. Учебную практику она, в отличие от сокурсников, проходила в Ханты-Мансийске. Её, как секретаря комсомольской организации медучилища, одновременно привлекли к очередным выборам [17, 320].

Официально регламентированному существованию противостоял досуг учащихся, дающий некоторое пространство свободы. Были прогулки [17, 76], походы в универмаг, в основном не за покупками, а «как на выставку» [17, 195], ворожба [17, 27], неформальные проводы в армию [17, 184], посещение танцев, влюблённости [17, 260]. У мальчишек групповые драки часто планировались заранее, они были почти привычными и особого внимания на столкновения не обращали [17, 205–206]. По воспоминаниям

Н. Б. Патрикеева, у подростков были конфликты с местной школой юнг. Иногда нахождение вне училища оказывалось действительно опасным. Население боялось цыган, картёжников, агрессивных карманников [17, 197–198].

Обсуждение и заключение

Историк А. Г. Киселёв выделил особенности профессионального обучения в Ханты-Мансийске: «в быте наших училищ модерновое=урбанистическое нередко сплеталось с сельским: знание деревни давала «городская» по происхождению и способам трансляции наука, она же была основой опытных сельских работ. И конечно, важнейшим фактором, определявшим характер знаний и деятельности молодёжи, были социокультурные, бытовые реалии Ханты-Мансийска» [13, 134]. Данная позиция, по нашему мнению, нуждается в корректировке. Селения Обского Севера (старожильческое, спецпоселенческое, аборигенное) не были изолированы от учащихся. Чем-то принципиально новым практика в деревне не являлась. Во многом она становилась пространственным или культурным перемещением в среду, близкую к учащимся.

Окружной центр давал шанс мигрантам, чтобы начать благополучную жизнь. Но «обетованной землёй», во всяком случае, на начальном этапе, он не стал. В Ханты-Мансийске переплетались архаика и модерн. Для адаптации и последующего осознания новых реалий было необходимо время, сплочённость, помощь окружающих. Помимо системы воспитания территория и материальное окружение влияли, на новичка как мало осознаваемые агенты повседневности.

В современной антропологии отмечается, что советская материальность «играла ключевую роль в формировании сообществ, создании новых смыслов, порождении и объективации

новых режимов знания. Было бы ошибкой рассматривать её воздействие лишь в категориях господства и сопротивления» [6, 300]. Симбиоз официальных действий и повседневности или прямо, или опосредованно воздействовал на учащихся. Дополнительно, подспудные страхи вытесняли возможные сомнения, а затем и замещали их активно насаждаемыми официальными мифологемами. Повседневность, очеловеченное пространство и материальный мир выступили свидетельствами произошедших свершений. Они оказались демпферными механизмами, смягчающими насильственные факторы, и значительными компонентами в воспроизводстве «советского человека» на периферийных территориях, том числе и в сфере просвещения на Тюменском Севере.

Советская подготовка специалистов в чём-то роднилась с идеалами эпохи Просвещения. Тогда, по проектам И. И. Бецкого, было необходимо изолировать воспитанников, чтобы создать «новую породу или новых отцов и матерей, которые могли бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить, какие получили они сами» [5, 5].

Любая аналогия страдает условностью. Между Просвещением и советским образовательным проектом немало различий. При всём при этом, в советском просвещении были достигнуты несомненные успехи. В частности, у учащихся успешно происходила интериоризация внешних образовательных требований и внешних опосредованных воздействий. По своим свойствам такие компоненты приближались к нормам морали или, другими словами, – «вселялись в сердце». Произошедшие изменения не отменяют дальнейших вопросов о межэтнических контактах, об образовании и роли повседневности в училищных коллективах.

Список источников и литературы

1. Александров Н. А. Невыдуманные рассказы. Петербург; Колпино: Тип-я Изд-ва СПбГУ, 2010. 186 с.
2. Апанасенок А. В. «Господи, помоги мне сдать экзамен»: православные практики советских учащихся в 1940-1960-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11. № 5. С. 205–216.
3. Вахрушева (Баландина) Матра (Матрена) Ханты-Мансийск // Литература Югры. 1930–2000. Проза. Антология. М.: Унисерв, 2002. Ч. 2. С. 41–42.
4. Вишняков П. А. Рассказы. Серов: Север, 2002. 150 с.
5. Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества // Собрание учреждений и предписаний, касательно воспитания, в России, обоего пола благородного и мещанского юношества. С прочими в пользу общества установлениями. СПб.: В тип. И. К. Шнора, 1789. Т. 1. С. 1–11.
6. Голубев А. Вещная жизнь: материальность позднего социализма. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 328 с.
7. Детство и юность Анны Коньковой в мансийском поселении / сост. Л. Ф. Котова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 112 с.

8. Ершов М. Ф. Социокультурная эволюция отечественной провинции конца XVIII – начала XX в.: по материалам городов Северного Зауралья. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2017. 124 с.
9. Зарецкий Ю. П. Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2021. Т. 137. № 3. С. 184–199.
10. История школы в истории судеб: Сборник документов / сост. Е. М. Брагина, А. В. Набокова. Екатеринбург: Сократ, 2004. 336 с.
11. Кириллюк Д. В. Развитие школьного образования в Югре (1945–1991 гг.). Курган: Дом печати, 2019. 400 с.
12. Киселев А. Г. Далёко от войны: повседневная жизнь Ханты-Мансийского национального педагогического училища в 1941–1945 годы // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 709–717.
13. Киселев А. Г. Руральное в практиках учащихся средних специальных учебных заведений Ханты-Мансийска, 30–50-е годы // Исторический бюллетень. 2022. Т. 5. № 4. С. 130–136.
14. Киселев А. Г., Онина С. В. История Ханты-Мансийского национального педагогического училища: опыт источниковедческого прочтения // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 167–183.
15. Лейбович О. Л. В городе М. Очерки повседневности советской провинции в 40–50-х гг. М.: РОССПЭН, 2008. 295 с.
16. Моя судьба в истории Югры: история развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в воспоминаниях его жителей, 1930–2005 гг.: сборник документов / сост.: Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. Тюмень: Тюм. дом печати, 2005. 414 с.
17. Ровесницы Ханты-Мансийского округа: воспоминания выпускниц национальных педагогического и медицинского училищ Ханты-Мансийска / сост. и ред., автор предисловия А. Г. Киселёв, сост. фотомат., автор и ред. текста на манс. яз. Р. К. Бардина, автор и ред. текста на хант. яз., автор предисловия С. В. Онина. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2020. 448 с.
18. Рожков А. Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 640 с.
19. Чашухин А. Оборотни с указкой: культурные разрывы и конвенции в сталинской школе рубежа 40–50-х // Разрывы и конвенции в отечественной культуре. Пермь: ФГБОУ ВПО, 2011. С. 105–124.
20. Чувашев Н. Моя жизнь. Екатеринбург; Ирбит: Банк культурной информации, Печатный вал, 2004. 120 с.
21. Чумак Е. Г. Становление и развитие системы образования обско-угорских народов Северо-Западной Сибири в 1920–1950-е гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2008. 22 с.
22. Шитов А. К. «Воспитание советского патриотизма» учителями общественно-научных предметов в школах Урала во второй половине 1940-х гг. // Историческая наука и историческое образование в условиях глобальных трансформаций. Мат. XXV всеросс. с международ. участием историко-педагогических чтений. Екатеринбург: [Б. и.], 2021. С. 345–351.
23. Dunham V. In Stalin's Time. Middle-Class Values in Soviet Fiction. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 319 p.
24. Jan Jie-Sheng, Lomeli Arlett. Ethnic Context, Education Policy, and Language Assimilation of Indigenous Peoples in Taiwan // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2022. Vol. 25. № 1. Pp. 355–366.
25. Naiman E. On Soviet Subjects and the Scholars Who Make Them // The Russian Review. 2001. № 3. Pp. 307–315.
26. Potts A. Lack of Men, Flame Throwers and Rabbit Drives: Student Life in Australia's First Rural Teachers College 1945–1955 // Australian Journal of Teacher Education. 2012. № 37 (7). Pp. 30–44.
27. Shlapentokh V. Soviet Intellectuals and Political Power: The Post-Stalin Era. Princeton: Princeton University Press, 1990. 330 p.
28. Slapentokh Wl. Fear in contemporary society. Its negative and positive effects. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 236 p.

References

1. Alexandrov N. A. *Nevydumannye rasskazy* [Non-fictional Stories]. Saint-Petersburg; Kolpino: Tip. Izd-va SPBGU Publ., 2010. 186 p. (In Russian)
2. Apanasenok A. V. “*Gospodi, pomogi mne sdat' ekzamen*”: pravoslavnyye praktiki sovetskikh uchashchikhsya v 1940–1960-ye gody [“Lord, help me pass the exam”: Orthodox practices of Soviet students in the 1940s – 1960s]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [News of the South-Western State University. Series: History and Law], 2021, no. 11 (5), pp. 205–216. (In Russian)
3. Vakhrusheva (Balandina) Matra (Matryona) *Khanty-Mansiysk* [Khanty-Mansiysk]. *Literatura Yugry. 1930–2000. Proza. Antologiya* [Literature of Yugra. 1930–2000. Prose. Anthology]. Moscow: Uniserv Publ., 2002. Vol. 2. Pp. 41–42. (In Russian)
4. Vishnyakov P. A. *Rasskazy* [Stories]. Serov: Sever Publ., 2002. 150 p. (In Russian)
5. *Generalnoye uchrezhdeniye o vospitanii oboyego pola yunoshstva* [General institution on the education of both sexes of youth]. *Sobraniye uchrezhdeniy i predpisaniy, kasatelno vospitaniya, v Rossii, oboyego pola blagorodnogo i meshchanskogo yunoshstva. S prochimi v polzu obshchestva ustanovleniyami* [Collection of institutions and regulations regarding the education in Russia of both sexes of noble and petty-bourgeois youth. With other sets in favor of society]. Saint-Petersburg: I. K. Shnor Publ., 1789. Vol. 1. Pp. 1–11. (In Russian)

6. Golubev A. *Veshchnaya zhizn: materialnost pozdnego sotsializma* [Eternal life: materiality of late socialism]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2022. 328 p. (In Russian)
7. *Detstvo i yunost Anny Konkovoy v mansiyskom poselenii* [Childhood and youth of Anna Konkova in a Mansi settlement]. Comp. by L. F. Kotova. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2005. 112 p. (In Russian)
8. Ershov M. F. *Sotsiokulturnaya evolyutsiya otechestvennoy provintsii kontsa XVIII – nachala XX v.: po materialam gorodov Severnogo Zauralya* [Sociocultural evolution of the domestic province of the late XVIII – early XX centuries: on the materials of the towns of the Northern Urals]. Khanty-Mansiysk: Pestatnyj mir Khanty-Mansiysk Publ., 2017. 124 p. (In Russian)
9. Zaretskiy Yu. P. *Ego-dokumenty sovetskogo vremeni: terminy, istoriografiya, metodologiya* [Ego-documents of the Soviet era: terms, historiography, methodology]. *Neprikosnovenny zapas. Debaty o politike i kul'ture* [Emergency ration. Debate about politics and culture], 2021, no. 137 (3), pp. 184–199. (In Russian)
10. *Istoriya shkoly v istorii sudeb: Sbornik dokumentov* [History of a school in the history of fates: Collection of documents]. Comp. by E. M. Bragina, A. V. Nabokova. Yekaterinburg: Sokrat Publ., 2004. 336 p. (In Russian)
11. Kirilyuk D. V. *Razvitiye shkol'nogo obrazovaniya v Yugre (1945–1991 gg.)* [Development of school education in Yugra (1945–1991)]. Kurgan: Dom pechati Publ., 2019. 400 p. (In Russian)
12. Kiselev A. G. *Dalyoko ot voyny: povsednevnyaya zhizn' Khanty-Mansiyskogo natsional'nogo pedagogicheskogo uchilishcha v 1941–1945 gody* [Far from war: everyday life of the Khanty-Mansiysk National Pedagogical College in 1941–1945]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (4), pp. 709–717. (In Russian)
13. Kiselev A. G. *Ruralnoye v praktikakh uchashchikhsya srednikh spetsial'nykh uchebnykh zavedeniy Khanty-Mansiyska, 30–50-ye gody* [The rural in the practices of students of secondary specialized educational institutions of Khanty-Mansiysk, 30–50s]. *Istoricheskiy byulleten* [Historical Bulletin], 2022, no. 5 (4), pp. 130–136. (In Russian)
14. Kiselev A. G., Onina S. V. *Istoriya Khanty-Mansiyskogo natsionalnogo pedagogicheskogo uchilishcha: opyt istochnikovedcheskogo prochteniya* [History of the Khanty-Mansiysk National Pedagogical College: experience of source study]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (4), pp. 167–183. (In Russian)
15. Leybovich O. L. *V gorode M. Ocherki povsednevnosti sovetskoy provintsii v 40–50-kh gg.* [In the M. town. Essays on everyday life in the Soviet provinces in the 40–50s]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008. 295 p. (In Russian)
16. *Moya sudba v istorii Yugry: istoriya razvitiya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga - Yugra v vospominaniyakh yego zhiteley, 1930–2005 gg.: sbornik dokokumentov* [My fate in the history of Yugra: history of development of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra in memories of its inhabitants, 1930–2005: collection of documents]. Comp. by E. M. Bragina, L. V. Nabokova. Tyumen: Dom pechati Publ., 2005. 416 p. (In Russian)
17. *Rovesnitsy Khanty-Mansiyskogo okruga: vospominaniya vypusknits natsional'nykh pedagogicheskogo i meditsinskogo uchilishch Khanty-Mansiyska* [Coevals of Khanty-Mansiysk Okrug: memories of graduates of the National Pedagogical and Medical Colleges of Khanty-Mansiysk]. A. G. Kiselev, R. K. Bardina, S. V. Onina. Khanty-Mansiysk: Pechatnyj mir Khanty-Mansiysk Publ., 2020. 448 p. (In Russian)
18. Rozhkov A. Yu. *V krugu sverstnikov. Zhiznennyj mir molodogo cheloveka v Sovetskoy Rossii 1920-kh godov* [In the circle of contemporaries. Life world of a young man in Soviet Russia of the 1920s]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2016. 640 p. (In Russian)
19. Shitov A. K. *“Vospitaniye sovetskogo patriotizma” uchitelyami obshchestvenno-nauchnykh predmetov v shkolakh Urala vo vtoroy polovine 1940-kh gg.* [“Education of Soviet patriotism” by teachers of social science subjects in the schools of the Urals in the second half of the 1940s]. *Istoricheskaya nauka i istoricheskoye obrazovaniye v usloviyakh global'nykh transformatsiy. Mat. XXV vseross. s mezhdunarod. uchastiyem istoriko-pedagogicheskikh chteniy* [Historical science and historical education in the context of global transformations. Proceedings of the XXV All-Russian Historical and Pedagogical Readings with international participation]. Yekaterinburg: [w/p], 2021. Pp. 345–351. (In Russian)
20. Chashchukhin A. *Oborotni s ukazkoy: kulturnyye razryvy i konventsii v stalinskoy shkole rubezha 40–50-kh* [Werewolves with a pointer: cultural breaks and conventions in the Stalinist school at the turn of the 40s–50s]. *Razryvy i konventsii v otechestvennoy kul'ture* [Breaks and conventions in domestic culture.]. Perm: FGBOU VPO Publ., 2011. Pp. 105–124. (In Russian)
21. Chuvashhev N. *Moya zhizn* [My life]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii, Pechatnyj val Publ., 2004. 120 p. (In Russian)
22. Chumak E. G. *Stanovleniye i razvitiye sistemy obrazovaniya obsko-ugorskikh narodov Severo-Zapadnoy Sibiri v 1920–1950-ye gg.* [Formation and development of the education system of the Ob-Ugric peoples of North-Western Siberia in the 1920–1950s]. Tyumen, 2008. 22 p. (In Russian)
23. Dunham V. *In Stalin's Time. Middle-Class Values in Soviet Fiction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 31 p. (In English)
24. Jan Jie-Sheng, Lomeli Arlett. Ethnic Context, Education Policy, and Language Assimilation of Indigenous Peoples in Taiwan. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 2022, no. 25 (1), pp. 355–366. (In English)
25. Naiman E. On Soviet Subjects and the Scholars Who Make Them. *The Russian Review*, 2001, no. 3, pp. 307–315. (In English)
26. Potts A. Lack of Men, Flame Throwers and Rabbit Drives: Student Life in Australia's First Rural Teachers College 1945–1955. *Australian Journal of Teacher Education*, 2012, no. 37 (7), pp. 30–44. (In English)
27. Slapentokh Wl. *Fear in contemporary society. Its negative and positive effects*. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 236 p. (In English)

28. Shlapentokh V. *Soviet Intellectuals and Political Power: The Post-Stalin Era*. Princeton: Princeton University Press, 1990. 330 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ершов Михаил Фёдорович, ведущий научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А), кандидат исторических наук, доцент.

mfershov@mail.ru

ORCID 0000-0002-8518-4368

ABOUT THE AUTHOR

Ershov Mikhail Fyodorovich, Leading Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira Str., 14A), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

mfershov@mail.ru

ORCID 0000-0002-8518-4368